

Шэнь Цяо вернулся в общежитие уже в час ночи, но, терзаемый смутными чувствами, не сомкнул глаз до самого утра.

Когда на следующий день он пришел на тренировку, даже самый беззаботный участник их группы, Сян Дунъян, заметил, что с ним что-то не так.

— Шэнь Цяо, что с тобой? — во время перерыва Шэнь Цяо очнулся от своих мыслей и увидел, что все смотрят на него с беспокойством.

Шэнь Цяо покачал головой:

— Все в порядке.

Сян Дунъян не унимался:

— Ты все еще переживаешь из-за слов учителя Сунь Юня? Не бери в голову, до выступления еще два дня, мы обязательно все отточим.

Шэнь Цяо снова повторил:

— Все хорошо, я просто не выспался.

Видя, что Шэнь Цяо настаивает на своем, Сян Дунъян не стал больше расспрашивать и вернулся к репетиции. Вскоре к нему подошел Жун Сюэсюань.

— Если плохо себя чувствуешь, иди отдохни в общежитии. Если не хочешь уходить, можешь прилечь здесь, я принесу одежду, чтобы подстелить тебе.

Шэнь Цяо вымученно улыбнулся, тронутый его заботой.

— Я в порядке. К тому же камеры включены, как это будет выглядеть — лежать на полу на куче одежды?

Жун Сюэсюань покачал головой, но настаивать не стал, просто сел рядом и завел разговор. Капитан Жун был по-настоящему холодным снаружи, но теплым внутри человеком. Иногда, глядя на него, казалось, что он должен быть подобен небожителю, которому нет дела до окружающих, но при этом он обладал редкой чуткостью и даром сопереживания. Шэнь Цяо усмехнулся про себя: возможно, у Жун Сюэсюаня и правда была какая-то магическая суперспособность, например, целительство.

Вскоре Шэнь Цяо привел себя в порядок и присоединился к тренировке. Следующие два дня пролетели незаметно, и вот настал момент выхода на сцену.

Еще до рассвета сотню стажеров, как и в прошлый раз, подняли ни свет ни заря наводить красоту. Но теперь у всех были свои методы защиты: каждый обзавелся масками и кепками, поклявшись до последнего защищать свою безупречную внешность перед объективами. Несмотря на то что девушки из съемочной группы неоднократно напоминали, что процесс нанесения грима не записывается, поделаться ничего было нельзя — это была профессиональная гордость айдола: лучше смерть, чем показаться некрасивым.

Из-за череды странных совпадений в гримерке Шэнь Цяо ничуть не удивился, увидев, что его снова красит Чэнь Цзямин. И правда, они давно не виделись. Разговорившись, Шэнь Цяо узнал, что тот попал в группу *Falling In Love* — группу с кошмарным уровнем сложности хореографии. Но сложность была прямо пропорциональна эстетике: если выступление удастся, оно произведет настоящий фурор. Шэнь Цяо даже почувствовал некое предвкушение.

Вероятно, именно поэтому он и не видел Чэнь Цзямина гуляющим по коридорам последние несколько дней. Почему же ему стало так злорадно приятно? Еще во время разучивания главной темы он заметил, что этот парень постоянно отвлекается, разглядывая красивые фигуры других парней. И даже при таком несерьезном отношении он попал в группу Б. Видимо, база у него была отличная — поговаривали, что он восемь лет занимался балльными танцами.

После грима они еще раз прогнали репетицию на сцене. Шэнь Цяо предпочел бы не оценивать свой образ, хотя понимал, что стилисты старались. Длинные волосы были собраны лентой в небольшую косу, завязанную на затылке. Весь стиль тяготел к роскошному дворцовому направлению: белая шифоновая рубашка с оборками и плиссировкой, украшенная кристаллами и кружевом. Если бы она не висела на вешалке, он бы ни за что не поверил, что это мужская одежда.

Изначально предполагался пиджак, но он оказался на размер больше, и стилист в последний момент нашла широкий пояс, усыпанный кристаллами, чтобы затянуть рубашку. Шэнь Цяо пытался протестовать, но безуспешно, поэтому ему оставалось лишь смириться и бояться смотреть в зеркало. Он даже в туалет боялся зайти, опасаясь, что отражение окончательно собьет его с толку и он забудет, в мужской или женский туалет ему нужно идти.

Костюмы остальных участников группы в целом были выдержаны в едином ключе: рубашки, пиджаки, туфли, черно-белая гамма. Звучит просто, но на деле это создавало атмосферу мрачной, утонченной роскоши, что вполне соответствовало их песне.

В три часа дня конкурс начался. Шэнь Цяо с товарищами сидел за кулисами, ожидая своей очереди. Перед ними выступали три группы, и Шэнь Цяо с интересом наблюдал за их номерами.

Первым был номер Под напряжением — песня женской группы. Танцевальные движения были пропитаны той самой приторной сладостью, свойственной айдол-группам. Однако их образы сделали яркими и мужественными, что смягчило женственность танца, сделав его дерзким и живым. Надо признать, стройные ноги участников, синхронно исполняющих танец, смотрелись весьма эффектно и отчасти компенсировали недостаток внешней привлекательности у

некоторых членов группы.

Шэнь Цяо запомнил парня, стоявшего в центре, — Хэ Юньциня, центр группы. Когда камера сфокусировалась на нем, он как раз пропел кокетливое: Если я тебе тоже нравлюсь, не мог бы ты дать мне намек на счастье? Например, подмигнуть~. И в этот момент на экране показали крупный план его лица, где он действительно подмигнул, ослепительно улыбнувшись. Стоило признать, такая работа с мимикой привела Систему 101 в его голове в настоящий восторг.

После них выступала другая группа, также исполнявшая Под напряжением. Таков был формат: две группы с одинаковой песней соревновались друг с другом. Зрители в зале голосовали за понравившихся участников, и группа, набравшая наибольшее количество голосов, получала виртуальный бонус в сто тысяч баллов. Эти баллы напрямую влияли на следующий этап — выбывание.

Вторая группа выступила хуже: им не удалось уловить баланс в танце, и он выглядел манерным и фальшивым. Результаты голосования быстро вывели на экран: победил Хэ Юньцин, принеся своей группе первые сто тысяч баллов.

Когда обе группы с Под напряжением закончили, Шэнь Цяо и его команда отправились в зону ожидания, отделенную от сцены лишь занавесом. Как только свет на сцене погас и снова загорелся, он понял, что выступают следующие.

Напряжение невольно нарастало. Он только сейчас осознал, что ему предстоит выступить перед тысячей зрителей. Это не маленькая площадка с живым оркестром и не экзамен перед учителями. Это выступление запишут, покажут по телевидению, и его увидит вся страна.

В голове завертелись мысли: будет ли кто-то ждать его выхода? Проголосует ли за него хоть кто-то? Ответа не было. Пока он предавался этим раздумьям, свет на сцене снова сменился — предыдущие группы закончили, и ведущий объявил голосование.

Настала их очередь. Шэнь Цяо и его товарищи вышли на сцену в темноте. Он занял свое место. На сцене было очень холодно из-за испаряющегося сухого льда. Зазвучала музыка, и бледный луч прожектора упал на Жун Сюэсюаня.

— Твоя любовь — это омут, вини меня в том, что я слишком увяз. Как острый клинок, ты вскрываешь меня, терзая мою душу.

Раздался неземной голос, и весь зал замер, словно погрузившись в печальную историю любви. Бледный свет был подобен луне в ночи, а дымка вокруг создавала иллюзию мира грез. В такой атмосфере даже обычный красавец показался бы небожителем, а уж Жун Сюэсюань с его божественной внешностью выглядел и вовсе неземным существом.

— Одержимость стала натурой, любовь к тебе — зависимостью. Я стер свой характер, перестал быть собой.

Свет изменился, и теперь прожектор осветил стоящего в центре сцены Сян Дунъяна. Он был в длинном сером пиджаке, медленно прохаживаясь по сцене и совершая рукой движение, словно пытаясь схватить что-то невидимое. Его каштановые волосы в этом мертвенно-бледном свете казались мягкими и нежными.

— Лгать слишком просто, а слушатель притворяется глупым до конца. Слова любви — лишь пустые бумажки. Не стоило давать клятв, я стал грешником, а ты — дураком.

Здесь, по предложению Ци Шэна, они вставили лирический рэп, который пришелся как нельзя кстати. Он также добавил сольную танцевальную партию — его мастерство соответствовало уровню А, он был по-настоящему универсален, и этот танец стал отличным дополнением.

Чжун Лань подхватил:

— Голова тяжелая, ноги легкие, дух и плоть разделены. Балансируя на краю ада, шаг за шагом я падаю вниз, постепенно переставая дышать.

Он сидел на ступеньках, закрыв глаза, и тихо напевал. Длинные ресницы отбрасывали полукруглую тень, а слегка приподнятый подбородок обнажал красивую линию челюсти. Несмотря на то, что эмоции в песне накалялись, его закрытые глаза делали его образ беззащитным и слабым.

— Если любовь — это омут, ты отнимаешь у меня мужество. Привыкнув к игре, я отныне лишь притворяюсь.

Настала очередь Шэнь Цяо. Его голос, как всегда, звучал лениво и маняще. Когда камера наехала на него, он стоял вполоборота, половина лица была скрыта в тени, а пряди волос, падавшие на щеки, придавали ему меланхоличный вид. Ресницы в профиль казались присыпанными золотой пылью. Он не смотрел в камеру, но даже простое моргание создавало иллюзию человека, играющего с чужими сердцами.

Он подошел к Жун Сюэсюаню. Зрители ждали какого-то взаимодействия, но они лишь обменялись мимолетным взглядом, пройдя мимо друг друга.

Шэнь Цяо запел кульминационную часть:

— Твоя любовь — это омут, почему я все еще не могу проснуться от этого сна?

Они стояли боком друг к другу, визуально казалось, что они стоят спина к спине, и Жун Сюэсюань подпевал ему. Если Жун Сюэсюань был неземным божеством, то Шэнь Цяо воплощал собой земное искушение. Их химия была тонкой, сочетая в себе невинность и страсть. Еще более интригующими были их костюмы: Шэнь Цяо в воздушной белой рубашке источал демоническое очарование, а Жун Сюэсюань в строгом черном пиджаке выглядел как святой. Вместе они напоминали переплетение света и тьмы.

Свет на сцене загорелся в полную силу. Пятеро участников начали танцевать. Сян Дунъян стоял в центре, все двигались синхронно. Если начало было тихим и элегантным, то теперь это превратилось в бал принцев, где каждый носил идеальную маску. В танце проскальзывали элементы степа — поначалу это могло показаться неловким, но в исполнении выглядело как сдерживаемое безумие.

Сян Дунъян:

— В самую холодную ночь я считаю воспоминания, горькие и сладкие.

Сян Дунъян и Чжун Лань:

— Душа разрывается на части~

Они взялись за руки и тут же разошлись, и в зале раздались оглушительные крики.

Чжун Лань:

— Сон — это зажженная спичка, коснувшись ее, я могу обнять тебя.

Ци Шэн:

— Я скоро проснусь, борясь, чтобы обнять самого себя.

Жун Сюэсюань:

— Память — это тюрьма, я словно слепой мотылек, бьющийся в коконе.

Жун Сюэсюань и Шэнь Цяо:

— Все потеряло смысл~

Жун Сюэсюань развернулся, Шэнь Цяо сделал шаг вперед, они взялись за руки и совершили поворот. Зал взорвался, казалось, крики вот-вот снесут крышу. Руки быстро разомкнулись, и, расходясь, они обменялись взглядами и невольно улыбнулись друг другу, направляясь к краям сцены.

Ци Шэн:

— Твоя любовь — это омут, вини меня в том, что я слишком увяз.

Сян Дунъян:

— Как острый клинок, ты вскрываешь меня, терзая мою душу.

Чжун Лань:

— Любовь как пыль, не требует усилий~

Жун Сюэсюань:

— Любовь как самосожжение, остался лишь пепел, сплошной хаос~

Хор:

— Любовь, полная осколков стекла, все в шрамах. Балансируя на краю ада, шаг за шагом мы падаем вниз.

Шэнь Цяо:

— Твоя любовь — это омут, вини меня в том, что я слишком увяз~

— Сколько еще мне тебя любить, ослепнув и потеряв рассудок, тонуть в тебе до самого конца —

Жун Сюэсюань в последний раз подпел Шэнь Цяо.

<http://bllate.org/book/21340/2165801>